

**Проблема переводимости в философии языка П.Рикёра и У.Эко: от
«Вавилонского столпотворения» к миру гостеприимства**

Научный руководитель – Михайловский Александр Владиславович

Хан Екатерина Иннокентьевна

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: kate.erofe@gmail.com

На протяжении XX века проблеме перевода было уделено существенное внимание как в среде лингвистики, так и в философии языка. Беньямин и Стайнер, Куайн и Дэвидсон, Грамши и Лаку-Лабарт совершенно по-разному подходят к вопросу о переводимости, и едва ли есть какой-либо смысл приводить всевозможные подходы к общему знаменателю. Ключевой вехой, пожалуй, является становление отдельной области «переводоведения» в 1980-е гг (термина Антуана Бермана); как отмечает Инес Озеки-Депре, главной характеристикой нового направления исследования проблемы перевода становится акцент на его этической стороне. [2] Продолжением этой линии стали предложенные в 1990-е Умберто Эко и Полем Рикёром два любопытных подхода к переводу, основанные на мифе о вавилонском смешении языков. Их интерпретации мифа о Вавилоне могут быть рассмотрены как две возможные рамки «гостеприимства», что особенно любопытно в историческом контексте восприятия мира как мира открывающихся границ (завершение «холодной войны», открытие границ, формирование культуры глобального туризма, начало цифровизации библиотек, интенсификация академических контактов и активизация переводческой деятельности).

И У.Эко, и П.Рикёр указывают на общее место в парадигме переводимости, которая всегда опирается на некую модель совершенного языка (будь то «общий праязык» как некий эталонный источник либо же совершенный искусственный язык, язык разума как эталонная цель). Умберто Эко отмечает, что поиски универсального языка так или иначе оказывались попыткой найти «ответ на религиозную или политическую рознь или, в крайнем случае, на затрудненность экономических связей» [5]. Если для Эко язык выступает неким средством коммуникации, рефлексия по поводу которого есть всегда рефлексия об инструменте, то Рикёр указывает на глубинные антропологические мотивации поиска взаимопонимания. Последнее оказывается возможным в силу живой метафоричности — «вопреки» бесконечной сложности и необъятности естественных языков. Отсюда, собственно, и рождаются два дополняющих друг друга образа истолкования мифа о Вавилоне.

Умберто Эко исходит из факта множественности языков Европы как исходной данности сложившейся интеллектуальной традиции. Проведя глубинную ретроспективу взглядов на миф о Вавилоне от Августина, Данте и Бёме вплоть до XX века, он приходит к необходимости вычитывать в мифе о Вавилоне «ключ к новому союзу и новому согласию». По мнению Эко, на смену попыткам конструирования общего языка либо программам просвещенного «полиглотизма» должна прийти открытая и гостеприимная среда «сообщества людей, которые способны ухватить дух, аромат, атмосферу чужой речи» [6]. Принятие принципиальной невозможности совершенного языка и полного перевода тем не менее сохраняет возможность взаимопонимания. Фактически, речь идет о некоторой установке доброй воли к взаимопониманию в общем горизонте мира, которая видит совершенный язык в прагматическом совпадении целей, которое стоит превыше семантических совпадений.

Рассуждения Поля Рикёра также построены на принятии «факта Вавилона», однако в несколько ином ключе. В «Парадигме перевода» он, имея в виду аргументы Эко, указывает на принципиальную характеристику всякого чужого языка «представлять из себя тайну, загадку» [4]. Призывая к языковому гостеприимству, Рикёр видит перспективу перевода не в поиске общего мира, а в путешествии в некий мир недосказанности. Перевод призван сохранять притягательность оригинала, обнаруживать дружелюбную инаковость, понимать "лишь отчасти". «Если бы мы не соприкасались с этой тревожащей нас областью невыразимого, то откуда нам было бы знать, что такое непереводаемая тайна языка? А в лучшие минуты любви или дружбы ценили бы мы молчаливую сдержанность, которая и в момент близости помогает сохранить драгоценную дистанцию?» Можно сказать, что сохранение дистанции, трепетное отношение к поэтическому слову в данном случае демонстрирует непрозрачность языка, в которой кроется его способность выражать саму жизнь как дпящееся повествование, историю. В докладе «Вызов и счастье перевода» Рикёр поясняет эту мысль: «режим перевода и его формула — это соответствие без адекватности» [3].

Не является ли отказ от критерия адекватности в отношении перевода потенциальной угрозой? Можно ли сказать, что образ гостеприимства, предложенный Эко и Рикёром, представляет собой некую идиллию принятия Другого без полного взаимопонимания, основанную на том, что «большого не дано»? Пожалуй, определение границ возможности переводимости в данном случае выглядит как жертвоприношение рационалистического идеала в пользу этического и политического идеала. Описанная установка может быть резюмирована предложенным В.В. Бибихиным определением языка как «залога преобразования мира человеком», что означает, что перевод никогда не следует отождествлять с практикой пересчета значений «из одной информационной системы в другую» [1].

Источники и литература

- 1) Бибихин В.В. Джордж Стайнер. После Вавилона: аспекты языка и перевода // Слово и событие. Писатель и литература. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 130.
- 2) Озеки-Депре И. О соотношении между герменевтикой и переводом // Логос. № 5–6 (84), 2011. С. 52.
- 3) Рикёр П. Вызов и счастье перевода // Логос. № 5–6 (84), 2011. С. 153
- 4) Рикёр П. Парадигма перевода. [Электронный ресурс] // URL: http://old.russ.ru/ist_ovr/sumerki/20001102.html. (дата обращения: 18.02.2019)
- 5) Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007. С. 28-29.
- 6) Там же. С. 358.